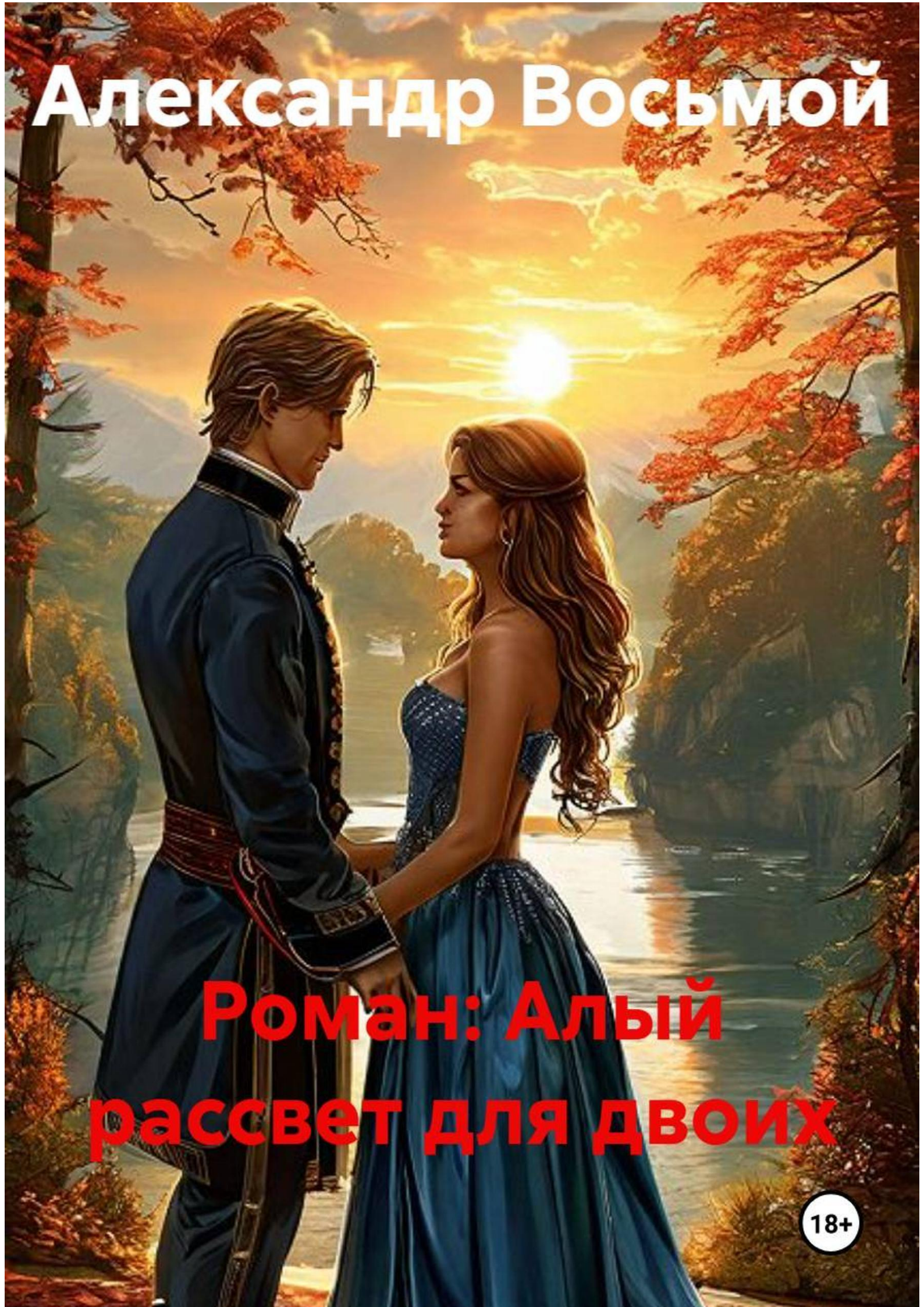

Александр Восьмой

**Роман: Алый
рассвет для двоих**

18+

Александр Восьмой

Роман: Алый рассвет для двоих

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман: Алый рассвет для двоих / А. Восьмой — «Автор», 2026

Главный герой Оптима и Наталия. После долгой ночи сомнений и полунамёков наступает рассвет, который меняет всё. В эти первые минуты нового дня Оптима и Наталия оказываются наедине с правдой: их чувства сильнее гордости и страхов. Эта книга — о моменте, когда игра заканчивается, а начинается настоящая история любви.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Роман: Алый рассвет для двоих

Глава 1. «Случайная искра под дождём»

Дождь не просто шёл — он обрушивался на город, будто хотел смыть с него всю пыль, всю серость будней, обнажить что-то настоящее под слоями привычной суеты. Капли били по крышам, барабанили по навесам, стекали по стёклам витрин мутными дорожками, превращая неоновые вывески в расплывчатые пятна света. Город стал лабиринтом из отражений: каждый фонарь множился в лужах, каждый прожектор дробился на сотни дрожащих бликов, и казалось, что ты идёшь не по тротуару, а по поверхности огромного, живого зеркала.

Оптимист шагал быстро, привычно стирая из головы всё лишнее. Он умел так: отсекал шум, держать фокус, не позволять ничему сбить его с ритма. Зонт он не взял — считал это проявлением слабости, будто дождь мог что-то значить для человека, который привык управлять обстоятельствами. Вода стекала по волосам, капала за воротник, но он не замедлялся. В голове крутились цифры, сроки, фразы для завтрашней встречи — жёсткие, выверенные, как удары молота по наковальне.

И вдруг — столкновение. Не сильное, почти невесомое, но настолько неожиданное, что весь его внутренний механизм будто заклинило на долю секунды. Он почувствовал, как плечо встретилось с чьим-то другим, услышал тихий, сдавленный выдох, и рефлекторно выбросил руку вперёд, чтобы удержать человека, не дать ему упасть на скользком асфальте.

Это была она.

Наталия стояла перед ним, слегка наклонив голову, будто пыталась спрятаться от дождя, но не могла — капли цеплялись за ресницы, собирались в крошечные жемчужины и срывались вниз. Она прижимала к груди тонкую стопку книг, словно они были единственным щитом в этом мокром, враждебном мире. На лице — смесь испуга и неловкости, а в глазах — что-то такое, от чего у Оптимиста вдруг перехватило дыхание. Не от скорости, не от холода, а от этого взгляда: прямого, чуть удивлённого, будто она увидела его не как очередного прохожего, а как кого-то, кого ждала всю жизнь, даже не зная об этом.

— Простите, я... я не смотрел, куда иду, — вырвалось у него раньше, чем он успел подобрать более сдержанную, более «деловую» фразу. Голос прозвучал чуть хрипло, будто слова цеплялись друг за друга.

Она улыбнулась — не широко, не для всех, а так, будто эта улыбка предназначалась только ему, и даже дождь не имел права на неё претендовать.

— Это я виновата. Засмотрелась на витрину. Там такая странная книга... с обложкой, похожей на ночное небо.

Он проследил за её взглядом. За стеклом, в тёплом свете лампы, лежала книга с тёмно-синей обложкой, усыпанной крошечными золотыми точками — словно кто-то рассыпал по ней звёзды. И в этот момент что-то внутри него дрогнуло. Что-то, что он давно загнал в дальний угол, назвав «ненужной чувствительностью».

— Вы любите звёзды? — спросил он, сам не понимая, зачем. Это был не деловой вопрос, не вопрос для поддержания разговора. Это было что-то личное, вырвавшееся наружу.

— Я люблю всё, что напоминает о том, что мы не одни во вселенной, — ответила она тихо, и в её голосе прозвучала такая искренность, что он вдруг почувствовал себя голым перед этим миром. Без брони из планов, без щита из расчётов. Просто человек под дождём, который впервые за долгое время захотел не идти вперёд, а остановиться.

Они стояли под струями воды, не замечая, как прохожие обходят их, как кто-то недовольно бурчит, как мир продолжает крутиться вокруг своей оси. Для них в этот миг существо-

вали только мокрые тротуары, дрожащие огни витрин и эта нелепая, невозможная случайность, которая вдруг показалась самой правильной вещью на свете.

— Может, зайдём внутрь? — предложил он, кивнув на книжный магазин, где за стеклом горел уютный свет. — Вы же хотели посмотреть на эту книгу...

Она чуть помедлила, словно взвешивала не просто предложение, а целую череду возможных будущих: если она согласится, если сделает шаг вперёд, если позволит этому вечеру стать чем-то большим, чем просто дождливым днём. И потом кивнула — так легко, будто это решение не стоило ей ни капли усилий, хотя на самом деле оно стоило всего.

Дверь тихо звякнула, впуская их внутрь, и шум дождя сразу стал глуше, будто кто-то убавил громкость у самого мира. Здесь пахло бумагой, ванилью и чем-то ещё — чем-то тёплым, домашним, давно забытым. Наталия осторожно положила книги на стойку, провела пальцами по обложке той самой, со звёздами, и улыбнулась — уже свободнее, уже без тени неловкости.

— Знаете, иногда мне кажется, что самые важные встречи происходят именно так. Не по плану. Не по расписанию. А когда ты просто стоишь под дождём и смотришь на витрину, потому что тебе вдруг захотелось поверить в чудо.

Оптимист смотрел на неё и понимал, что впервые за долгое время ему нечего сказать по делу. Никаких цифр, никаких сроков, никаких стратегий. Только одно: он не хотел, чтобы этот вечер заканчивался.

— Тогда давайте не будем спешить, — произнёс он, и в этих словах прозвучало обещание. Не громкое, не пафосное, но такое твёрдое, что даже он сам удивился. — Давайте просто посмотрим на звёзды. Хоть и на обложке книги.

И они стояли там, среди полок, среди тысяч историй, и не знали ещё, что прямо сейчас начинают писать свою собственную. Ту, где дождь — это не просто вода, падающая с неба, а знак, что пора перестать бежать. Что пора позволить себе быть не идеальным, не расчётливым, не всегда правым. А просто настоящим.

А за окном всё лил и лил дождь, размывая границы между случайностью и судьбой, между «просто прохожими» и теми, кто однажды станет друг для друга целым миром.

Глава 2. «Кофе, который меняет правила»

Утро выдалось обманчиво спокойным. Небо расчистилось после вчерашнего ливня, и город, ещё влажный и блестящий, будто примерял новый наряд — чистый, свежий, полный надежд. Капли на листьях дрожали от каждого дуновения ветра, а солнце, только-только набравшее силу, золотило края крыш и рассыпало блики по лужам. Всё вокруг словно шептало: «Сегодня может случиться что-то хорошее».

Оптимист стоял у витрины той самой кофейни — маленькой, неприметной, спрятавшейся в боковом переулке, куда редко забредали спешащие офисные толпы. Он пришёл на десять минут раньше, сам не понимая, зачем. Обычно он гордился тем, что никогда не приходит раньше срока: пунктуальность — это точность, а не волнение. Но сегодня стрелки часов будто издевались над ним, ползли невыносимо медленно, а внутри всё сжималось от странного, непривычного предвкушения.

Он перечитывал сообщение, которое отправил Наталии час назад. Всего несколько строк, но он переписывал их раз семь, стирая и набирая заново, пока не остановился на самом простом: «Есть одно место, где варят кофе так, что забываешь обо всём. Хочешь проверить?» Никакой деловой строгости, никакой холодной уверенности — только приглашение, в котором пряталась надежда.

Когда она появилась из-за угла, он сразу её заметил. Наталия шла легко, будто не касаясь земли, в светлом плаще, с небрежно повязанным шарфом, и в её походке было что-то такое, от чего у него вдруг перехватило дыхание. Не от красоты даже — хотя она была прекрасна, —

а от этой её способности нести с собой целый мир: немного мечтательный, немного хрупкий, но удивительно живой.

— Привет, — сказала она, чуть запыхавшись, будто спешила не столько к нему, сколько навстречу чему-то важному. — Прости, я чуть не заблудилась. Этот переулок такой... потайной.

Он улыбнулся, стараясь скрыть, как сильно бьётся сердце.

— В этом и смысл. Здесь никто не торопится.

Дверь кофейни звякнула, впуская их внутрь, и время действительно будто замерло. Внутри царил уютный полумрак, разбавленный тёплым светом ламп. Пахло свежемолотым кофе, корицей и чем-то ещё — чем-то домашним, почти забытым. За стойкой бариста тихо напевал себе под нос, а в углу кто-то перелистывал страницы книги, и этот звук был похож на тихий дождь.

Они сели у окна, за маленьким круглым столиком, на котором стояла крошечная ваза с одним-единственным цветком — нежным, хрупким, будто чудом выжившим в городской суете. Оптима машинально поправил его, чтобы стоял ровно, и только потом понял, что делает это, чтобы хоть чем-то занять руки.

— Какой кофе ты любишь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, буднично, как будто такие встречи у него случаются каждый день.

Наталия задумалась, склонив голову набок, и в этом жесте было столько искреннего любопытства, что он вдруг почувствовал себя не успешным, уверенным в себе мужчиной, а мальчишкой, который хочет понравиться.

— Знаешь, я не люблю, когда всё слишком предсказуемо. Мне нравится, когда в чашке есть история. Что-то с пряностями, с лёгкой горчинкой, с послевкусием, которое остаётся надолго...

Он кивнул, будто понял что-то очень важное.

— Тогда пусть будет что-то, что нельзя повторить дважды.

Бариста, словно почувствовав особую атмосферу, не стал предлагать стандартные варианты. Вместо этого он на мгновение замер, посмотрел на них обоих, будто считывая настроение, и тихо сказал:

— Есть один рецепт. Его никто не заказывает, потому что он... странный. Но иногда именно странное оказывается самым правильным.

И когда чашки наконец оказались перед ними, аромат поднялся над столом, густой, пряный, с нотками кардамона и тёмного шоколада, и этот запах будто связал их невидимой нитью. Наталия осторожно сделала первый глоток, закрыла глаза на секунду, а потом улыбнулась — так, что у него внутри что-то тихо и радостно перевернулось.

— Это... удивительно, — прошептала она. — Как будто в этой чашке спрятан целый вечер. Тёплый, тихий, без спешки.

Оптима смотрел на неё и ловил себя на том, что впервые за долгое время не думает о делах, не прокручивает в голове планы, не ищет подвоха в каждом слове. Он просто сидел и смотрел, как свет ложится на её волосы, как в глазах отражается золотистое сияние лампы, как она чуть морщит нос, когда пробует что-то новое.

— А ты? — вдруг спросила она, поставив чашку и чуть наклонившись вперёд. — Ты ведь не просто так привёл меня сюда. Не ради кофе.

Он на мгновение замер. Хотел привычно отшутиться, спрятать правду за лёгкой фразой, но что-то в её взгляде остановило его. В нём не было ни насмешки, ни давления — только искреннее желание понять.

— Наверное, нет, — признался он тихо. — Просто... после вчерашнего мне показалось, что если я не увижу тебя снова, то этот день будет каким-то неполным. Как будто из него вынули что-то важное.

Она не отвернулась, не смутилась, не стала прятать глаза. Вместо этого она чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними.

— Знаешь, — сказала она мягко, — иногда самые правильные вещи начинаются с чего-то совсем маленького. С капли дождя на стекле. С витрины книжного. С чашки кофе, которую ты не планировал пить.

Он поймал себя на том, что её слова ложатся на сердце, как что-то давно забытое, но очень нужное. И в этот момент он впервые заметил, как напряжены его собственные плечи — словно он всё ещё пытался держать оборону, притворяться, что всё под контролем. Но здесь, в этой маленькой кофейне, под тихий звон чашек и шёпот разговоров, эта броня становилась лишней.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она вдруг. — Что-нибудь настоящее. Не про работу, не про планы. Что-то, о чём ты редко говоришь.

Он задумался. В голове крутились десятки безопасных тем, но ни одна из них не казалась достойной этого момента. И тогда он вспомнил то, о чём действительно редко говорил вслух.

— Когда я был маленьким, — начал он осторожно, — я думал, что взрослые — это те, кто всё знает и ничего не боится. А потом вырос и понял, что они просто научились хорошо прятать свой страх. И чем старше становишься, тем тяжелее притворяться, что тебе всё равно.

Наталия слушала, не перебивая, и в её глазах не было ни жалости, ни снисхождения — только внимание. Настоящее, глубокое, будто она видела его целиком, со всеми его сомнениями и слабостями, и это не делало его хуже в её глазах. Наоборот — как будто делало настоящим.

— А я всегда боялась, что если перестану спешить, то мир уйдёт вперёд без меня, — призналась она тихо. — Что если я остановлюсь хоть на минуту, чтобы просто посмотреть на облака, кто-то другой займёт моё место. И только вчера, стоя под дождём, я вдруг поняла, что иногда самое важное — это как раз остановиться.

Между ними повисла тишина, но она не была неловкой. Она была наполненной — словами, которые уже прозвучали, и теми, что ещё ждали своего часа. За окном город продолжал жить своей жизнью: гудели машины, спешили прохожие, звенели сигналы светофоров. Но здесь, за этим маленьким столиком, существовал свой собственный мир — тёплый, уютный, где время текло иначе.

Оптим потянулся к чашке, сделал ещё один глоток, и на этот раз вкус показался ему другим. Не просто пряным, не просто горьковатым — а каким-то... правильным. Как будто этот кофе действительно менял правила. Как будто с каждой секундой, проведённой рядом с Наталией, старые законы его жизни теряли силу, уступая место чему-то новому.

— Спасибо, что пришла, — сказал он просто, глядя ей прямо в глаза. И в этих словах не было ни флирта, ни игры — только чистая, откровенная благодарность.

Она улыбнулась — не широко, не для всех, а снова так, будто эта улыбка принадлежала только ему.

— Я рада, что ты позвал.

И в этот момент он понял: игра действительно заканчивалась. Оставалось только настоящее. То, что нельзя просчитать, нельзя запланировать, нельзя вписать в расписание. То, ради чего стоило иногда забывать о времени и просто сидеть в маленькой кофейне, пить странный кофе и смотреть, как в чужих глазах отражается целый мир.

Глава 3. «Город как сообщник»

Ночь опускалась на город не сразу, а слоями — сначала приглушая яркие дневные краски, потом вытягивая из улиц длинные тени, а под конец зажигая огни, которые будто специально ждали темноты, чтобы раскрыться во всей своей магии. Наталия смотрела в окно такси, пока машина петляла по переулкам, и чувствовала, как внутри разгорается странное, щекочущее

предвкушение. Не страх, не сомнение — скорее ощущение, что она стоит на пороге чего-то важного, и даже если это окажется ошибкой, она не захочет её стирать.

— Ты уверена, что хочешь просто «посмотреть на огни»? — спросил Оптима, чуть наклонив голову, будто пытался прочесть её мысли по отражению в стекле. В его голосе не было давления, только лёгкая, почти незаметная забота. — Если хочешь, можем поехать в какое-нибудь тихое место. Или вообще никуда. Просто выйдем и пойдём, куда ноги выведут.

Она улыбнулась, и эта улыбка была как разрешение — себе и ему — не быть сегодня идеальными.

— Хочу именно так. Без плана. Пусть город сам решит, куда нас вести.

Такси мягко остановилось у края старого квартала, где дома стояли чуть ближе друг к другу, будто оберегая свои тайны от чужих глаз. Когда дверь хлопнулась, шум города стал другим: не назойливым гулом, а фоновой музыкой, в которой можно было расслышать отдельные ноты — скрип старых качелей во дворе, далёкий смех, звон трамвая где-то за поворотом.

Они пошли не спеша, будто боялись спугнуть эту хрупкую атмосферу. Первые минуты между ними висели привычные паузы, но в них уже не было неловкости — скорее ожидание: кто первым нарушит молчание чем-то настоящим. Наталия куталась в шарф, но не от холода — от того, как странно и приятно было идти рядом с кем-то, кто не пытался заполнить тишину пустыми словами.

Город будто подталкивал их друг к другу. Старый фонарь, который мигал, словно подмигивал; тихий двор, где на скамейке кто-то оставил раскрытую книгу, будто специально для того, чтобы они остановились и прочитали одну строчку вслух; витрина маленького магазина, где отражения их силуэтов сливались в один, прежде чем снова расходиться.

— Знаешь, — вдруг сказала Наталия, останавливаясь у арки, где свет падал особенно красиво, рисуя на кирпичах золотистые узоры, — иногда мне кажется, что город помнит всё. Каждый шаг, каждое слово, каждый взгляд. И если долго бродить по одним и тем же улицам, он начинает узнавать тебя.

Оптима замер рядом, не отводя взгляда от её лица, будто стараясь запомнить этот момент до мельчайших деталей: как свет ложится на ресницы, как в глазах пляшут отблески фонарей, как она чуть хмурится, когда говорит о чём-то важном.

— А мне всегда казалось, что город — это просто камни и асфальт, — признался он тихо. — Пока не встретил кого-то, кто видит в нём историю. Теперь я смотрю на эти стены и думаю: а что они могли бы рассказать, если бы умели говорить?

Они шли дальше, и с каждым шагом дистанция между ними становилась не физической, а всё более условной. Иногда их плечи случайно соприкасались, и от этого прикосновения по коже бежали мурашки — не от холода, а от того, как сильно отзывалось тело на близость другого человека. Иногда они одновременно замедляли шаг, чтобы подольше постоять у витрины, где огни складывались в причудливые узоры, или у фонаря, который отбрасывал на мостовую причудливую тень.

В одном из дворов они наткнулись на старую карусель — заброшенную, скрипучую, но всё ещё хранящую в себе отголоски детского смеха. Наталия подошла к ней, провела рукой по облупившейся краске, и вдруг рассмеялась — тихо, искренне, так, что у Оптима внутри что-то сладко сжалось.

— Представь, — сказала она, глядя на него с озорным блеском в глазах, — если бы мы могли на ней прокатиться. Пусть даже она не крутится. Просто сесть и сделать вид, что нам снова по десять лет и весь мир — это большая площадка, где можно не бояться быть смешными.

Он не стал смеяться над этой идеей, не стал говорить, что это глупо или непрактично. Вместо этого он подошёл, осторожно проверил, выдержит ли конструкция, и потом, чуть улыбнувшись, протянул ей руку.

— Тогда давай сделаем вид. Всего на минуту.

Они сели рядом на проржавевшее сиденье, и карусель тихо скрипнула, будто вздохнула, принимая новых гостей. Наталия обхватила руками металлические прутья, закрыла глаза и глубоко вдохнула ночной воздух, пахнувший дождём, пылью и чем-то неуловимо родным.

— Слышишь? — прошептала она, не открывая глаз. — Город дышит.

Оптима кивнул, хотя она не видела этого жеста. Он слушал не город — он слушал её голос, тихий, тёплый, проникающий сквозь все его привычные барьеры. И вдруг понял, что впервые за долгое время ему не хочется никуда спешить. Не хочется думать о завтрашних встречах, о дедайнах, о том, что нужно держать всё под контролем. Ему просто хотелось сидеть здесь, на старой карусели, рядом с этой девушкой, и слушать, как город дышит.

Когда она открыла глаза, их взгляды встретились, и в этом мгновении повисло что-то большее, чем просто симпатия. Что-то, что требовало слов, но слова казались слишком грубыми, слишком неуклюжими для такой тонкой, хрупкой правды.

— Нам хорошо вместе, — почти шёпотом начал Оптима, и голос его прозвучал непривычно уязвимо. — Я... я нечасто это говорю, но сейчас мне кажется важным, чтобы ты знала.

Наталия замерла, будто боялась спугнуть эти слова, позволить им раствориться в ночном воздухе. Она хотела ответить тем же, хотела сказать, что с ним она чувствует себя в безопасности, даже посреди огромного, шумного города, даже когда весь мир кажется чужим. Но страх сковал язык: а вдруг она слишком торопится? А вдруг это просто ночь, огни и магия пустых дворов, которая рассеется с первыми лучами солнца?

— Да, — только и смогла выдохнуть она, чуть опустив взгляд, чтобы спрятать в нём ту бурю, что бушевала внутри. — Мне тоже.

И они оба отступили — не физически, а в своих словах, позволив тишине снова занять место между ними. Оптима неловко поправил шарф на её плечах, будто этот простой жест мог скрыть, как сильно дрожат его пальцы. Наталия сделала вид, что разглядывает узоры на кирпичной стене, хотя на самом деле пыталась унять бешено колотящееся сердце.

Они сошли с карусели, и она снова тихо скрипнула, провожая их в путь. Дальше они шли молча, но теперь это молчание было другим — оно больше не прятало неловкость, а хранило в себе те слова, которые они почти произнесли. И каждый шаг по тёмным переулкам, каждый отблеск фонаря в луже, каждый далёкий звук ночного города шептал им одно и то же: «Это только начало».

Когда они вышли на набережную, перед ними раскинулся город, усыпанный огнями, как звёздное небо, опрокинутое на землю. Ветер играл с волосами Наталии, и она запрокинула голову, чтобы посмотреть на редкие звёзды, пробивающиеся сквозь городскую засветку. Оптима стоял рядом, засунув руки в карманы, и старался не смотреть на неё слишком долго, потому что боялся, что она прочтёт в его глазах всё, что он так старательно прятал.

— Спасибо, что пошла со мной, — сказал он наконец, когда тишина стала слишком громкой.

— Спасибо, что позвал, — ответила она, и в этих простых словах прозвучало столько тепла, что оно, казалось, могло согреть всю эту холодную ночь.

Они стояли и смотрели на огни, и город вокруг них будто улыбался, довольный тем, что смог свести их вместе, провести по своим тайным маршрутам и показать, что иногда самые важные разговоры — это те, которые почти состоялись. Те, что висят в воздухе, лёгкие, как дым, и такие же неуловимые.

А впереди их ждала долгая ночь сомнений и полунамёков, которая должна была закончиться рассветом — тем самым, что всё расставит по местам. Но пока был только город, огни и ощущение, что, возможно, они нашли друг в друге то, что искали всю жизнь, даже не зная об этом.

Глава 4. «Танец без музыки»

Вечеринка бурлила, как вскипающий котёл: голоса сливались в гул, смех вспыхивал и гас, как бенгальские огни, а воздух был густ от запахов — парфюма, цитрусов, горячего шоколада и чего-то неуловимо праздничного. Гирлянды рассыпали по комнате мириады крошечных огоньков, и каждый из них будто подмигивал, обещая, что сегодня обязательно случится что-то особенное.

Оптима стоял у стены, привычно стараясь держаться чуть в стороне — так, чтобы видеть всех, но не быть в центре внимания. Он не любил такие сборища: слишком много шума, слишком мало смысла. Но ради Наталии он пришёл. Ради того, чтобы увидеть, как она смеётся в этой суете, как её глаза загораются от чьих-то нелепых историй, как она на секунду замирает, услышав знакомую мелодию.

А Наталия, напротив, будто родилась для таких вечеров. Она скользила между людьми, как луч света, успевая и поддержать разговор, и подлить кому-то напиток, и рассмешить кого-то одной фразой. Но каждый раз, когда она оказывалась рядом с Оптимом, её улыбка становилась чуть тише, чуть теплее, будто весь этот шум отступал на задний план, оставляя только их двоих.

— Ты как будто пытаешься спасти эту вечеринку от самой себя, — пошутил он, когда она в очередной раз пронеслась мимо, поправляя чей-то сбившийся шарф.

Она остановилась, чуть запыхавшись, и посмотрела на него так, словно только сейчас по-настоящему его увидела.

— А ты как будто ждёшь, когда всё это закончится, чтобы наконец выдохнуть.

Он усмехнулся, признавая её правоту.

— Может, и так. Но я не хочу, чтобы это закончилось слишком быстро.

Она хотела что-то ответить, но в этот момент чья-то рука схватила её за локоть, утягивая в круг танцующих. Музыка гремела, ритм был бешеным, и в этом вихре Наталия казалась ему чужой — такой далёкой, окружённой чужими голосами и движениями. Оптима сжал кулаки, сам не понимая, откуда взялось это острое, почти болезненное желание защитить её даже от этой весёлой суеты.

Музыка сменилась, стала медленнее, глубже, и толпа будто выдохнула, расступившись. Кто-то потянул Оптима танцевать, но он покачал головой. Ему не хотелось кружиться в этом водовороте. Ему хотелось стоять и смотреть, как Наталия наконец выберется из него, вернётся к нему, снова станет той девушкой, с которой можно говорить шёпотом, не боясь, что кто-то услышит.

И она действительно выбралась. Протиснувшись сквозь людей, слегка растрепанная, с горящими щеками, и остановилась прямо перед ним, будто только сейчас поняла, как сильно устала от всей этой мишуры.

— Я... я не могу больше, — призналась она, прижимая ладонь к груди, словно пытаясь унять бешено колотящееся сердце. — Слишком громко. Слишком много всего.

Оптима не стал ничего говорить. Вместо слов он просто кивнул в сторону тёмного угла, где гирлянды горели тусклее, где тени лежали гуще, а шум вечеринки звучал уже не как приказ веселиться, а как далёкий, почти безобидный фон.

— Пойдём туда. Там тише.

Они скользнули в этот укромный уголок, и мир будто сжался до размеров маленького пространства, где существовали только они двое. Здесь не было музыки, не было чужих взглядов, не было необходимости улыбаться всем подряд. Только мерцание огоньков, отражающихся в её глазах, и тишина, которая вдруг стала не пустой, а наполненной.

Наталия глубоко вздохнула, будто впервые за вечер смогла по-настоящему вдохнуть.

— Спасибо, — прошептала она. — Здесь... здесь можно снова стать собой.

Оптимист кивнул, не отводя от неё взгляда. И в этот момент ему вдруг захотелось не просто стоять рядом, а сделать что-то, что соединило бы их, стёрло даже ту крошечную дистанцию, которая всё ещё оставалась между ними.

— Можно тебя... потанцевать? — спросил он неожиданно даже для себя. — Без музыки. Просто... чтобы почувствовать, что мы здесь, а не где-то там, в этом шуме.

Она замерла на секунду, а потом медленно улыбнулась — так, что у него внутри всё перевернулось.

— Да. Давай. Без музыки.

Он протянул руку, и она вложила в неё свою — тёплую, чуть дрожащую. И они начали двигаться. Не в ритме, не по правилам, а так, как подсказывало сердце: медленно, осторожно, будто каждое движение было словом, которое они боялись произнести вслух.

Наталия положила голову ему на плечо, и этот простой жест пробил все его барьеры. Он обнял её чуть крепче, не для того, чтобы удержать, а чтобы показать: «Я здесь. Я не дам тебе снова потеряться в этой толпе». И она доверчиво прижалась к нему, позволяя себе опереться, позволить себе быть не сильной, не весёлой, не той, кто всех спасает, а просто девушкой, которой сейчас нужно, чтобы её кто-то понял.

В этом танце не было ни па, ни сложных фигур, ни эффектных поворотов. Только их дыхание, которое постепенно становилось синхронным, только тепло, которое перетекало от него к ней и обратно, только тишина, которая говорила громче любой музыки.

Оптимист чувствовал, как расслабляются её плечи, как уходит напряжение, сковывавшее её весь вечер. И впервые он не прятал того, как сильно хочет её защитить. Не от врагов, не от опасностей, а от всего, что может заставить её снова натянуть эту маску вечной бодрости и радости.

— Знаешь, — прошептала Наталия, не поднимая головы, — иногда мне кажется, что я умею быть только весёлой. Что если я остановлюсь, если покажу, что мне бывает тяжело, люди подумают, что я сломалась.

Он чуть наклонил голову, чтобы лучше слышать её слова, и провёл ладонью по её спине — тихо, успокаивающе.

— Тебе не нужно быть весёлой для меня, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Мне достаточно того, что ты настоящая. Даже когда ты устала. Даже когда тебе хочется просто постоять в тишине. Даже когда ты не знаешь, что сказать.

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. В них было столько доверия, столько уязвимости, что у него перехватило дыхание.

— С тобой... мне не страшно быть неидеальной, — призналась она. — Это странно, потому что мы знакомы совсем недолго. Но с тобой я чувствую, что могу просто... быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.